

КУЗНЕЦК
в жизни и творчестве
ФМ ДОСТОЕВСКОГО

Венчание Достоевского в Кузнецке. С картины А. Ф. Фомченко. Новокузнецк, 1993 г. Холст, яичная темпера. 57х87

К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского
1821 — 1996 г.

Ф. М. Достоевский с фотографии 1869-го года

«В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями — одной в городе, другой на кладбище, — города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, заседателями и всем остальным субалтерным чиновом...».

Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома».
НПС в 30-ти т. Т. 4. С. 5.

«...В 325 верстах от губернского города лежит небольшой городок Кушнецк против впадения в Томь реки Кондома. Здесь предель плодородных равнин, и Кушнецк стоит уже отчасти на горь: далее к югу тянется отрасль Алтай...».

«Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйри и украшенное гравюрами». Москва. 1839 г. С. 204.

«Город расположен на трех террасах. Первая верхняя — крепость, вторая, средняя — центр часть города, третья нижняя — следующая за центром часть и окраина...».

В. Забурин. «Пешеходными дорогами».
«Сибирские огни». 1926. № 3. С. 193.

«Какой здесь простор! Солнце, лазурное небо... ароматы полей, холмы и серебряная лента реки Томи!

...как захватывающе радостно с вершины холма окинуть взглядом наш уютный городок!.. сотни деревянных домов и амбаров, его огороды с тополовыми и черемуховыми садами. Городок похож на большую шуршку с двумя перекладинами, стоящими посреди голых площадок в еловой зелени, и маленькой перекладушкой среди берез и черемух на кладбище...

А справа блещет светлая лента реки, огибающей город и холмы. Там, за рекой, видны кустарники, болотные заросли.»

В. Ф. Булаков «В том давнем Кузнецке»,
Кемерово, 1991 г., С. 13

Сибирской гравы. С фотографии 1913 г.

Кузнецк. С фотографии 1913 г.

Кузнецкая крепость. С фотографии 1913 г.

Кузнецк. Иверская часовня. С фотографии 1913 г.

Вид с реки на Кузнецкую крепость. С фотографии 1913 г.

Кузнецк. С фотографии 1913 г.

Вид с Кузнецка с Волжеской горы. С фотографии 1913 г. *

* Фотографии 1 - 7 публикуются впервые с подлинников, хранящихся в Алтайском областном краеведческом музее.

«...в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники, по справедливости играющие роль сибирского дворянства, — и их туземцы, закоренелые сибиряки, или приезжие из России, большей частью из столицы, превращенные выдаваемым не в счет окладом жалованья, двойными прогнами и солидными надеждами в будущем. Из них умеющие разрешать загадку жизни, почти все же остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды. Но, другие, народ легкомысленный и не умеющий разрешать загадку жизни, скоро покидают Сибирь и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее засадились? С потерянением отбывают они свой

законный термин службы, три года, и по истечении его тотчас же хлопочут о своем переводе и возвращаются в Россию, браня Сибирь, и по-прежнему над нею. Они не правы: не только с служебной, но также со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать. Климат превосходный; есть много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных штородцев. Барышни цветут розами и прелестью до последней крайности. Дичь летает по улицам и сама пытается на охотника. Шампанского выпивается неестественно много. Покра удивительная. Урожай бывает в иных местах сам — питаться... Вообще земля благодатная. Надо только уметь ею пользоваться. В Сибири умеют ею пользоваться».

Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома», т. 4, с 5—6.

Кузынька. Вид на улицах Печора, Руссико-Амурского бора. Крестьянский дом в Токмаровском и Кузынькинском Уездном уезде. С фотографии начала XX в.

Улица Достоевского. Здание в центре — церковь в Угрина. С фотографии конца XIX в.

Петербург. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Пискаревском.

Улица Достоевского. Дом Дмитриева-Сельского, в котором жил Достоевский в Печорском. С фотографии начала XX в.

Улица Достоевского. С фотографии 1913 г. Публический торговый.

Транспорт на улицах города. С фотографии В. Миданевского, к которой Ф. М. Достоевский. Девятнадцатый век.

«Сто лет тому назад в Кузыньке было полторы тысячи жителей...»

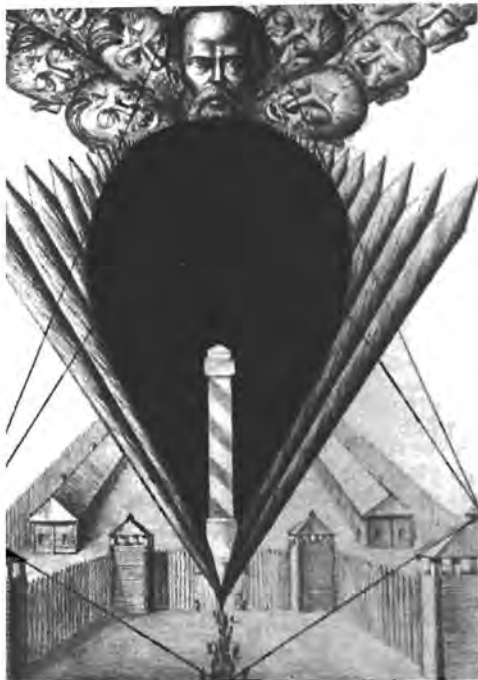
Скромно, тихо, чуть приметно мерцала звезда Кузынька среди созвездия более значительных городов России, но и Кузынька среди них не Иван непомнящий, он имел свою биографию, свои ступени восхождения, свой путь к теперешней славе...

Дом, в котором в 1857 году жил Достоевский, перешел в наше столетие пелехоньким из девятнадцатого. Одноэтажное деревянное здание в пять окон по фасаду, с тесовой крышей, с двумя печными трубами, со скамеечкой у забора — оно было, вероятно, одним из лучших домов в городе: пеларом выстояло целый век. И улица также была такой, на которой прилично было жить чиновнику: одним своим кошом она выходила к собору.

Улица носит теперь имя великого писателя, и вид ее действительно легко вызывает в воображении все то, что представлял собой городок во времена Достоевского. Немошеная, она покрыта весной и осенью черной грязью. Зимой ее засыпают сугробы, летом над нею поднимается густая пыль... Сто лет назад прохожих на ней было еще меньше, дуж, свищей и кур еще больше, и ходить-то по ней некуда было, кроме как в церковь».

Кириотин В. Я., ж. «Октябрь»,
1959 г., № 4, С. 209 — 210.

«2-го марта 1854 года, Достоевский, по окончании четырехлетнего срока каторжных работ в городе Омске, был зачислен, согласно высочайшей конфирмации, последовавшей на докладе генерал-аудитората, рябовым в Сибирский № 7-й линейный батальон, стоявший в то время в Семипалатинске...».

«Скадин А. В. «Достоевский в Семипалатинске».
«Исторический вестник», 1903 г.

«...Я в каком-то ожидании чего-то; и как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае, неизбежное...».

Ф. М. Достоевский —
П. Д. Фонвизиной.
Нач. 1854 г.

«...выйдя из моей грустной каторги, и со счастьем и надеждой пришла сюда. Я ходил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить... Я не заметил, как прошел первый год моей жизни здесь. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства...».

«Острог». С иллюстрации Л. Ламма к повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома».
«Достоевский-каторжник». С картины В. Домоганского, 1956 г. Москва, угод.

Отношение о зачислении Ф. М. Достоевского по окончании срока каторжных работ на службу в войска Отдельного Сибирского Корпуса (Новый-декабрь 1853 г.)

Арматурный список Ф. М. Достоевского, унтер-офицер 4 роты Сибирского Линейного батальона № 7

Генерал-Аудитор Министра внутренних дел от 13 Января 1854 г. № 41036, гора Инновалъ Г. Генералъ Мушкетеръ Графъ Орловъ аудиторомъ, въ качествѣ вѣдѣнаго уполномоченнаго образованаго присутствника Сергея Дурова и Федора Достоевскаго по окончании срока, 23 Января будущаго 1854 года, на назначенного ими въ каторжную работу, какъ что Генералъ Аудиторомъ Графъ Орловъ отъ себя въ отписанномъ отъ 14 Января 1854 г. № 41020, какъ назначеннаго въ Острогъ каторжнаго присутствника Дурова и Достоевскаго по окончании срока, определеннаго ими пребыванію и въ работу, назначеннаго на службу въ войска Отдельнаго Сибирскаго Корпуса.

Переписка по случаю перевода на вѣдѣніе въ унтеръ-офицера Сергея Дурова 1849 г. № 4: 214, 215, 216

АРМАТУРНЫЙ СПИСОКЪ

Сибирскаго Линейнаго батальона № 7

4 роты
Унтер-офицера
Федора Достоевскаго
3-го отдѣленія

Въ 1-й разрядъ 1856 года

«...Это семейство Исаевых... Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованьем, состояния не имел, и потому, лишился места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей: по выпис от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беснечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и постигал все, об чем бы с ним ни заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Учитель эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беснечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась болтлива, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему выпало место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень уничижителен. Но что было делать! Почти не было куса хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой истинной дружбы, чтобы они позволили мне поделиться с ними. В мае 55-го года я проводил их в Кузнецк...».

Ф. М. Достоевский брату М. М. Достоевскому.
13—18 янв. 1856 г.

Ф. М. Достоевский. С фотографии Н. Лейбмана
1859 г.

Чтение Софьи Мармеладовой сцены воскресения Лизы из Голубкина. Сцена из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». С иллюстрации Ф. Константинова 1946 г.

«Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большой лысиной, с отеками от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые платки. По что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже посторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не уступить прищипий. Из-под панкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье...

— Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем наче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное!.. а суинуга моя не то что я! Понимаете-с?.. Ну-с, я пусть свинья, а она — лама! Я звериный образ имею, а Катерина Павловна... — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь».

«Ты не поверишь, ты и вообразить себе не можешь, Поленька... до какой степени мы весело и пышно жили в доме у напешки и как этот пьяница погубил меня и вас всех погубил! Папаша был статский полковник и уже почти губернатор... Когда я... кхе... кхе... — о, треклятая жизнь! — вскрикнула она, отхаркивая мокроту... — когда на последнем бале... у предводителя... меня увидела княгиня Безземельная, — которая меня потом благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, — то тотчас спросила: «Не та ли это милая девица, которая с шалью танцевала при выпуске?»

Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание».
Т. 6. С. 12—14, 138.

Катерина Павловна с детьми на улице. Сцена из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Хромоантографии Н. Каравина. 1892 г.

Мартылев и Рыжов. Сцена из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». С аниматографии Н. Каравина. 1892 г.

Ф. М. Достоевский. С аниматографии Н. С. Статных. 1980 г. Бумага, картон 86x65,5.

М. Д. Неаева. С аниматографии Н. С. Статных. 1980 г. Бумага, картон 86x65,5.

Письмо Ф. М. Достоевского к М. Д. Неаевой в Кузнецк от 4 июля 1855 г. из Семипалатинска.

Семипалатинск 4 июня 55.

Ваше письмо было получено мною в семипалатинске, и я с радостью узнал, что вы благополучно возвратились в Кутецк, и, и чего боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогого?.. Боже мой! да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги. Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба!.. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так к Вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного... Ведь я это понимаю и

«Семипалатинск 4 июня 55.

Благодарю Вас беспрдельно за Ваше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой, Марья Дмитриевна... Как-то Вы приехали в Кутецк, и, и чего боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогого?.. Боже мой! да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги. Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба!.. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так к Вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного... Ведь я это понимаю и

чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты. Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни... Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. Я все это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас... Если б Вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек... Прощайте, незабвенная Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся, не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об Кутецке, об новых людях, об себе как можно больше...».

Ф. М. Достоевский М. Д. Исаевой. 4 июня. 1855 г.

— Так это и есть Настасья Филипповна? — промолвил он, внимательно и любопытно взглядев на портрет...».

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное.

Ф. М. Достоевский «Идиот»
т. 8, с. 27.

М. Д. Исаяв. С фотографии конца 1850-х гг.

А. Е. Врангель. С фотографии 1858 г.

П. П. Семелов-Тяп-Шанский. С фотографии начала 1850-х гг.

«Родилась она 11 сентября 1824 года в Таганроге. Ее отец, Дмитрий Степанович Константин, был сыном капитана французской королевской службы, принявшего русское подданство. В 1837 году был назначен капитаном Астраханского карантинного порта. На следующий год он — директор Астраханского карантинца.

А. Марков, астраханский краевед, ж. «Волга», 9 дек. 1984 г.

«В Астрахани она вышла замуж за коллежского секретаря Александра Ивановича Писаева. Скомпрометировав себя на службе, он вынужден был переехать вместе с семьей в Сибирь, где ему предоставили работу».

Л. Иванова, археограф Гос. Астраханского архива.
ж. «Волга», 17 ноябр. 1990 г.

«Мария Дмитриевна была лет за тридцать, довольно красивая.., очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна».

Из воспоминаний барона А. Е. Врангеля. 1912 г.

«...она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. Но независимо от того, как отзывался о ней Ф. М. Достоевский, она была «хороший человек» в самом высоком значении этого слова. Сошлись они очень скоро. В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невежественности. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невежественности отца, поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами как Ф. М. Достоевский. Непонятно, как скоро они поняли друг друга...».

П. П. Семелов-Тяп-Шанский.

«Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников». В 2-х тт.
Т. 1 с. 309.

«Семипалатинск. 14 августа 55»

С первого же слова прошу у Вас извинения, дорогой мой Алекс<андр> Егорович за будущий беспорядок моего письма... Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, и только один из десятков и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наподовину виновата и них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства! Вы его мало знали. Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал Вам, и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с Вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, благословляя жену и детей и только томясь об их участи. Несчастная Мария Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях... В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и Вы, чуждой человек, но человек с сердцем, заплакали бы. Помните Вы их мальчика, Пашу? Он обещал от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти... У ней ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. «Нужда руку толкала принять, — пишет она, — и приняла... подаяние!..»

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю. 14 августа. 1855 г.

«Фед. Мих., извещенный о смерти Псаева, немедленно выслал Марье Дмитриевне значительную сумму денег, которую, говорят, сам достал с трудом. Тогда же он начал хлопотать о приеме ее старшего сына на казенный счет в учебное заведение. Много помогала Псаевой жена местного исправника, богача и хлебосола, Анна Николаевна Катанаева. Она ценила в М. Д. ее воспитанность, ум и высокую образованность. Большой поддержкой являлись для семейства Псаевых деньги, которые М. Д. зарабатывала частными уроками. Между прочим, она преподавала французский язык учителю местного приходского училища Вергунову. Он, говорят, был неравнодушен к М. Д. и, так же как Достоевский, всеми средствами старался облегчить ее тяжелое положение. Известно даже, что Фед. Мих. ревновал М. Д. к Вергунову».

В. Ф. Булгаков. «Ф. М. Достоевский в Кузнецке».
«Сибирская жизнь». № 29. 10 окт. 1904 г.

«Узнавши о смерти первого мужа Марии Дмитриевны, Ф. М. писал ей отсюда (из Семипалатинска. — авт.), прося ее согласия на замужество с ним...».

Евг. Тюменцев — А. Голубеву. 30 мая. 1884 г.

«...Уведомляю Вас, что дела мои в положении чрезвычайном. La dame... грустит, отчаивается, больна поистине, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке... людьми, которые смастерили что-нибудь очень недоброе: там есть женщины. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма?..

И что же? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом... Неподвижная идея в моей голове! Едва понимал, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить... Но рассудите: что же делать было ей, бедной, заброшенной, болезненно-мишительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы своей! Ведь не за солдата же выйти ей... Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до чужести. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш! Сама собой разумеется, что если б уладились дела мои..., то я был бы предпочтен всем и каждому...».

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю. 23 марта, 1856 г.

«...еду в Кузнецк... Я готов под суд идти, только бы с ней видаться. Мое положение критическое, надобно переговорить и все решить разом!».

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю.
23 мая, 1856 г.

Нашлем Ф. М. Достоевского к А. Е. Врангелю от 23 марта, 1856 г. из Семицельническа.

— Эпизод Молчаликов. С иллюстрацией В. Миданешко к повести Ф. М. Достоевского «Двойники» сою.

Интерьер музея Ф. М. Достоевского

«Книжка на приеме у Марии Александровны». С иллюстрацией В. Миданешко к повести Ф. М. Достоевского «Двойники» сою.

«Я был там, добрый друг мой, и видел ее!.. Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено: ты и я и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже. Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным зорким смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видевшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, без значения, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигнациями жалованья... Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет... не позовет ли он ее смерти!.. Бог мой, — разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного... Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. А для того ему надо место... Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем Гасфорну (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит... что ему не худо бы дать место выше... Это все для нее, для нее одной...»

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю, 14 июля. 1856 г.

«...Знаешь ли, Зиночка, что я ведь даже не понимал тогда, чем ты жертвуешь, выйдя за меня! Я не мог даже того понять, что, выходя за меня, ты, может быть, умерла бы с голоду... Ничего бы я не понял из твоего пожертвования, мучил бы тебя, истерзал бы тебя за нашу бедность; прошли бы года, — куда! — может быть, и возненавидел бы тебя, как помеху в жизни.»

Ф. М. Достоевский.
«Дьяволишки сои», Т. 2. С. 327, 391.

«...Брак твой с ним будет тогда извинительнее, чем теперь, когда он невозможен. Что ожидает вас обоих, если б вы теперь решились на такое безумство? Всеобщее презрение, нищета, дранье за уши мальчишек, потому что это сопряжено с его должностью, взаимное чтение Шекспира, вечное пребывание в Мордасове...»

«Ваше превосходительство, Эдуард Иванович. Простите меня, что осмеливаюсь утруждать Ваше внимание письмом моим... Но я так несчастен, что почти поневоле поверил надежде, что Вы не закроете своего сердца для несчастного изгнанника, подарите ему хоть одну минуту внимания и, может быть, благосклонно выслушаете его... Может быть, Вы слышали о моем аресте, суде и высочайшей конфирмации, последовавшей по делу, в котором я был заменен в 1849 году. Может быть, Вы обратили на судьбу мою некоторое внимание. Я основываю предположение это на том, что с младшим братом Вашим, Адальфом Ивановичем, я был очень дружен, почти с детских лет любил его горячо... Великая, огромная просьба есть у меня до Вас, Эдуард Иванович!.. Ваше слово может много значить теперь у милосердного монарха нашего, Вам благодарного и Вас любящего. Вспомните о бедном изгнаннике и помогите ему! Я желаю быть полезным...»

Ф. М. Достоевский — И. Тотлебену.
24 марта. 1856 г.

И. Тотлебен, Генерал-адъютант 1-го Императорского Величества как 1-го Императорского Величества и армянские и иранские Ф. М. Достоевского на 1 октября 1856 г. и Ф. М. Достоевского на чин прапорщика — 25 августа 1857 г.

«Попытки Федора Михайловича увенчались успехом, надежды его не обманули... Генерал Тотлебен откликнулся и стал настойчиво хлопотать об улучшении участи Достоевского. В этом принял горячее участие и принц Ольденбургский. Результатом всего была монаршая милость: 1-го октября 1856 года унгер-офицер Достоевский за отличие по службе произведен в прапорщики.»

А. В. Скаптин, «Ф. М. Достоевский в Семипалатинске», 1903 г.

«...Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любви в таком виде есть болезнь. Я это чувствую...»

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю.
9 ноября. 1856 г.

«...тогда же после производства я спросил ее: хочет ли она быть моей женой, и честно, откровенно объяснил ей все мои обстоятельства. Она согласилась и отвечала мне: «Да». И потому брак наш совершится непременно. Есть только одно обстоятельство, которое может расширить или по крайней мере отдалить наш брак на неопределенное время... Решение мое неизменно...»

Ф. М. Достоевский
М. М. Достоевскому, 22 дек. 1856 г.

Писать в ведомо, да будет ведомо, что Яко Федору Достоевскому, который НАШЕ унгер-офицеровъ, а именно, за исключенію его изъ службы НАШЕЙ ревности и прилежанія, въ НАШЕ Прапорщики тѣмъ же 25-го августа 1856 года (сентября) первого, для безжалостнаго истребленія и умеренія яко же Яко оный адъютантъ и унтер-офицеръ, имѣвшая ака. НАШЕЮ милостиваго снисхожденія. Федору Достоевскому за НАШЕЮ Прапорщикамъ надлежало бы сформировать арестантъ и считать: и Яко адъютантъ, что оный, за оную же НАШЕЮ милостиваго снисхожденія, оный же тѣмъ Яко и арестантъ поступить будетъ, оный же арестантъ и арестантъ Омару надлежитъ. Въ свидѣтельство того, Яко сего Высочайшему Императорскому Высочайшему Императорскому подлинно и Государственному НАШЕЮ повелѣнію записать повелѣна. Дать въ Санктпетербургѣ, 25го 1857.

Императорский Высочайший Адъютантъ Генералъ Губертъ
Писать КТО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИКОМУ СЕВЕРУ,
Съ ономъ КТО ВЕЛИКОМУ СЕВЕРУ, Генералъ-Адъютантъ
За Восточную
Генералъ Императоръ

Ваше письмо
 7
 (Копия письма)
 187
 (Копия письма)
 187

Гр. Катарина (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)

Копированное выписанное
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)

От подписавшей Гр. Катарина
 (или другая) (французская)

«Вест» о том, что на
 Псаевой женился какой-то
 приезжий офицер-писатель и
 что свадьбу эту устраивает
 Каташаева, быстро облетела
 весь город, так что 6 февраля
 1857 года, в день, назначен-
 ный для бракосочетания,
 Олгинская церковь
 оказалась переполненной наро-
 дом. В самом деле, благодаря
 участию Каташаевой, свадьба
 вышла весьма пышной. Вот
 что рассказывает Т. М. Теме-
 лева, которая присутствовала
 в церкви.

— За паромом елва
 можно было прогуляться
 вперед... Конечно, присутст-
 вовало в церкви и все лучшее
 купеческое общество. — Анна
 Николаевна всех пригласила.
 Дамы были все разнаряже-
 ны... В церкви — полное ве-
 шенне. Сначала, как во-
 штея, приехал жених. Конеч-
 но, внимание всех на него об-
 ратилось. И я смотрела с по-
 божеством: хоть мне и было
 только лет 16, но я слышала,

Свадьба Гр. Катарина
 187

1857 год (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)
 (или другая) (французская)

- 1) (или другая) (французская)
- 2) (или другая) (французская)
- 3) (или другая) (французская)
- 4) (или другая) (французская)
- 5) (или другая) (французская)
- 6) (или другая) (французская)
- 7) (или другая) (французская)

что он не простой человек — писатель... Он, помню, был уже
 не молодой, лет тридцати востми; довольно высокий, —
 выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьезное. Одег
 он был в военную форму, хорошо, и, вообще, был мужчиной
 видный. Жениха сопровождали два шафера: учитель Верпу-
 цов и чиновник таможенного ведомства Саношкинов. Скоро
 прибыла и невеста, также с двумя шаферами: один из них
 был сам писарник Иван Миронович Каташев. Худенькая,
 стройная и высокая, Мария Дмитриевна одета была очень
 нарядно и красиво, — хотя и вдовушка... Венчал священник
 о. Евсей Тюменцев в сослужении с дьяконом (по «брачному
 обыску» — о. Петром Углицким). Были и невесты... После
 совершения таинства молодые и гости отпранились на вечер
 в дом, кажется, Каташаевых. Я не была там...»

Разрешение копирования: Фот. Библиотечного центра Национального архива России
 Ф. М. Добрянского и М. А. Псаевой. № 167 от 6 февраля 1857 г.
 Олгинская церковь. С. (или другая) (французская). (или другая) (французская)
 Олгинская церковь № 17 от 6 февраля 1857 г.

«Почти то же сообщил мне о свадьбе другой очевидец, А. Н. Окорокон. Он был лично знаком с Фед. Мих. и часто встречался с ним на вечерах, которые устраивались еще до свадьбы у Катапановых. Достоевский присутствовал на них вместе с невестой. По словам Окорокова, он всегда бывал в очень веселом расположении духа, шутил, смеялся. Это сообщение должно для нас быть особенно интересным. Как известно, вообще Федор Михайлович отличался характером необщительным, даже мрачным. Очевидно, здесь, в Кушентке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, от мест, неприятных тяжелыми воспоминаниями, Федор Михайлович чувствовал себя, если не вполне счастливым, то удовлетворенным более или менее. Этим и можно объяснить его хорошее расположение духа, о котором говорит и на котором, нужно прибавить, прямо настаивает Окорокон. Когда устраивались карты, Фед. Мих. не отказывался принимать участие; случалось ему, как другим, выпрыгивать и проигрывать. Сам Окорокон не раз играл с ним.

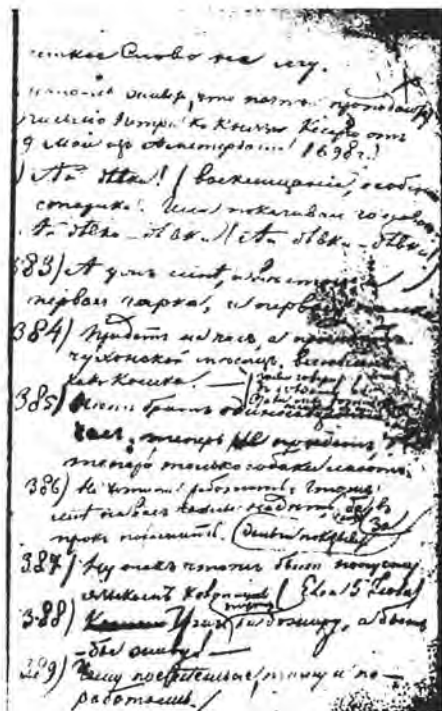
Нередко видели Федора Михайловича в его военном плаще гуляющим по улицам города, вместе с Марией Дмитриевной.

Посещал он часто печальнейшего его священника о. Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию.

В этих посещениях знакомых, прогулках, вечерах, картах проходило время. Срок отпуска, данного Достоевскому, истекал. Скоро он, вместе с женою, действительно покинул Кушентку. Перед самым отъездом была на могилу Псаева, где стоял лишь деревянный крест, положена чугунная плита, и в отведенная по распоряжению М. Д. Я был на местном кладбище, отыскал могилу и прочел эпитафию. Мне кажется, что и Фед. Мих. и его жена принимали что-нибудь тогда, не посоветовавшись предварительно, а если так, то мы имеем основание предполагать, что Федор Михайлович участвовал в составлении этой эпитафии и, по крайней мере, видел и одобрил ее. Она не длинна и и позволю себе ее привести:

«Ах, семь воскресений и животи, въруй въ Ми имати животъ вѣчный! Здесь покоится тело Александра Ивановича Псаева. Он умер 4 августа 1855 года».

В. Ф. Булгаков «Ф. М. Достоевский в Кушентке»
«Сибирская жизнь» № 29 10 окт. 1904 г.

«По возвращении из Кушентки, Достоевские поселились в доме Денухина, по Крепостной улице. Обстановка квартиры была скромная, но уютная, способствовавшая литературным занятиям Федора Михайловича.

В 1858 г. Достоевский подал в отставку и с нетерпением ожидал результатов своего ходатайства...

Старания друзей Достоевского увенчались успехом. 18 марта 1859 г. состоялся приказ об увольнении Достоевского по болезни в отставку в чине подпоручика. Федору Михайловичу указано было жить в Твери, с учреждением за ним секретного патруля».

Б. Герасимов «Ф. М. Достоевский и Семивалитинский»
«Сибирские огни» № 4, 1924 г.

Отделение № 212 от 23 ноября 1858 г. Из М. Достоевских, Тверская губерния, сибирской провинции, Достоевский, Иван Иванович, в С.-Петербурге.

«Сибирская жизнь» Ф. М. Достоевского 1856—1860 гг. Типографический завод, расположенный в этом городе, имеет привилегированное право на издание «Сибирской жизни». Сибирская жизнь издавалась в Иркутске с 1860 по 1864 г. и в Омске с 1864 по 1868 г. Издательство принадлежало к М. Д. Псаевой.

«Это была ужасно похотевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пунев щеками. Она ходила впад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запертыми губами и нервно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и виноватое лицо, при последнем освещении догоравшего огня, трепетавшем на лице ее...»

Ф. М. Достоевский
«Преступление и наказание»
Т. 6 С. 22

«Слепая, слепая! Мертвая, не слыши! Не знаешь ты, каким бы раем и оградил тебя. Рай был у меня в душе, и бы посадил его кругом тебя! Ну, ты бы меня не побила, — и пусть, ну что же? Все и было бы так, все бы и оставалось так. Рассказывала бы только мне как другу, — вот бы и радовалась, и смеялась радостно, глядя друг другу в глаза. Так бы и жили. И если б и другого полюбила, — ну и пусть, пусть! Ты бы шла

с ним и смеялась, а я бы смотрел с другой стороны улицы... О, пусть все, только пусть бы она открыла хоть раз глаза! На одно мгновение, только на одно! взглянула бы на меня, вот как лавочка, когда стояла передо мной и давала клятву, что будет верной женой! О, в одном бы взгляде все появилось!»

Ф. М. Достоевский «Кроткая» Т. 24 С. 35

«Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, куда переехали за год до смерти своей от чахотки. Я переехал вслед за нею, не отходя от ее постели всю зиму 61-го года, и 16 апреля (Достоевский не точен: М. Д. Достоевская умерла 15 апреля. — авт.) прошлого года она скончалась... О, друг мой, она любила меня беспрдельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу Вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (то ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга: даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, и это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился видя (весь год), как она умирает, хоть и цепил и мучительно чувствовал, что я хорошо с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засытали землей. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается...»

Ф. М. Достоевский — А. Е. Врангелю.
31 марта — 14 апреля 1865 г. Петербург.

Ф. М. Достоевский. С фотографии [1861 г.]

М. Д. Писемн. С фотографии [издана 1860-х гг.]

Сцена из повести Ф. М. Достоевского «Кроткая». Скульптор Ю. Зайонц. 1970 г.

Ф. М. Достоевский в период работы над романом «Братья Карамазовы». Картина С. М. Скубын. Москва. 1986—1984 гг. Холст, масло. 110х125,5

**ДОСТОЕВСКИЙ И ИСАЕВА
В КУЗНЕЦКЕ
1857 ГОД**

Он к ней в Кузнецк,
как в Лету каувиной,
снесит, дорогой уголкой
Да, это он, вчерашний каторжник
и гений завтрашних времен.

Преодолевший все препятствия,
такой же друг ей, как и враг,
он добивается согласия
на этот невозможный брак.

Они обещаны. Обещаны.
Она выходит на крыльцо.
Взгляните в скорбное лицо
судьбу свою появившей женщины:

Вздор заслонила боль растущая,
вдохнуть всей грудью не дает.
Решилось: жизнь ее грядущая
к его созданиям перейдет.

Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь.
Невыносимо быть предтечею
его тревожных героинь!

Они его волнуют, мучают
и жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участи
она неслабою душой.

И все же ни волей, ни сознанием
не защитилась, не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
необратимо облеклась.

Л. НИКОНОВА.

100292

**Литературно-мемориальный
музей Ф. М. Достоевского
открыт с 10 до 18 часов,
в пятницу, субботу —
с 11 до 15 часов.
Выходной день — воскресенье.**

**Адрес музея: 654067, г. Новокузнецк,
ул. Достоевского, 29.**

Телефоны: (3843) 37-65-86, 37-23-90.

Научно-художественное издание

Редактор-составитель
Ащеулова Т. С.

Художник
Тюрин Валерий Вячеславович

Фотохудожник
Сатаров Александр Феодорович

Техническое редактирование
Прокатьевой Т. А., Лобаревой Е. В.

Б ЛР № 040360 96
Л 77/03/

© — администрации г. Новокузнецка
© — ЛИММ Ф. М. Достоевского

Сдано в набор 28.05.1996 г. Подписано в печать 24.06.1996 г.
Формат 62х94¹/₈. Гарнитура сенсери. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,24. Уч.-изд. л. 3,22. Тираж 3000. Заказ 2545.

Издательство «Кузнецкая крепость».
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкостровский, 1,
Связь писателей.

Набрано и отпечатано в ИПИ «Советская Сибирь».
630048, г. Новосибирск, ул. Пешникова-Даниченко, 104.